

О Т З Ы В

официального оппонента **Л. В. Головки**

на диссертацию А. В. Пиюка

«Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект»,

представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс.

Актуальность избранной диссертантом темы исследования сомнений не вызывает. Во-первых, она очевидна сама по себе, с учетом новейших тенденций развития как российского, так и зарубежного уголовного процесса, проводимых в последние годы законодательных реформ, ведущихся в науке уголовного процесса острых дискуссий. Сложно найти уголовно-процессуальную проблему, которая на концептуальном уровне была бы сегодня более актуальна, нежели та проблема, которую в качестве темы своего исследования избрал диссертант. Во-вторых, актуальность темы исследования убедительно и с надлежащей степенью глубины обоснована самим диссертантом во введении к диссертации (с. 5 – 8).

Сформулированные в диссертационном исследовании А. В. Пиюка научные положения, выводы и рекомендации **обоснованы, достоверны** и обладают **научной новизной**, в чем у официального оппонента также не возникло никаких сомнений при изучении текста диссертации. Обоснованность, достоверность и научная новизна научных положений, выводов и рекомендаций в том числе проявляются в положениях, вынесенных на защиту (с. 16 – 20), которые надлежащим образом аргументированы в основном тексте диссертации, а также в использованном автором нормативном, доктринальном, эмпирическом материале. Структура работы, состоящей из четырех глав, каждая из которых включает по три параграфа, методологически корректна, логична и позволяет реализовать цели и задачи исследования (с. 12 - 13). Отдельного внимания заслуживают приложения к диссертации, где собраны и обобщены обширные и полезные эмпирические данные, которые к тому же подверглись авторской аналитической обработке в специальном приложении «И» (с. 442 – 469).

Что касается конкретного содержания диссертации, то, не имея возможности упомянуть в отзыве все выводы и положения диссертационного исследования А. В. Пиюка, которые вносят существенный вклад в отечественную уголовно-

процессуальную науку и заслуживают поддержки, упомяну в качестве иллюстрации некоторые из них.

Нельзя не согласиться с диссертантом в том, что «для реформирования уголовно-процессуального законодательства ... необходима потребность в этом общества» (с. 84). Данная мысль не является попутно сказанной, а красной нитью проходит через всю диссертацию в качестве своего рода концептуального ядра. В конечном итоге, ее анализ и обоснование приводят автора к выводу о необходимости определить соответствующие правовые пределы реформирования российского уголовного судопроизводства, когда «нормы закона не должны противоречить представлениям общества о должном, нравственном и справедливом, законодатель не должен поощрять явлений, к которым в обществе сложилось отрицательное отношение» (с. 17). Соответствующие положения диссертации особенно важны и ценны в сегодняшних условиях, когда многие уголовно-процессуальные реформы отражают лишь глобальные рекомендации международных и наднациональных структур, никак не будучи увязаны ни с реальными потребностями российского общества, ни с его нравственными представлениями. В результате этого подобные реформы не только отторгаются обществом и правовой системой, но и чреватые тем, что «государство может вовсе потерять уголовное судопроизводство», о чем также справедливо предупреждает диссертант (с. 193). В более общем плане постановка диссертантом вопроса о *пределах реформирования* российского уголовного процесса и его предложения по выработке таких пределов представляют собой значимое для уголовно-процессуальной науки теоретическое положение, имеющее важное политико-правовое значение.

Другим значимым теоретическим положением является глубоко обоснованный в тексте диссертации вывод об отсутствии «уголовно-процессуального основания, объективно требующего упрощения процедуры разрешения уголовного дела судом» (с. 17). Единственным таким основанием является «уголовно-правовой критерий, заключающийся в степени общественной опасности деяния» (там же). Более того, как справедливо предупреждает диссертант, нельзя не учитывать, что любое «применение упрощенных форм разрешения уголовных дел содержит больший, по сравнению с обычным порядком, риск вынесения неправосудного решения» (там же). В этом плане особенно тревожит отмечаемая автором на примере точных эмпирических данных тенденция по доминированию именно упрощенных форм разрешения уголовных дел, в некоторых случаях превращающаяся в тотальное доминирование.

Поэтому предложения автора по оптимизации процедур рассмотрения уголовных дел в порядке гл. 40 УПК РФ и выработанная им новая модель их упрощенного разрешения своевременны, обоснованы, в том числе серьезными эмпирическими данными, и нуждаются во всемерной поддержке.

Не менее обоснованными выглядят и предложения вовсе отказаться от гл. 40¹ УПК РФ, так как данная уголовно-процессуальная форма себя не оправдала и оптимизации не подлежит. Такая постановка проблемы является для российской уголовно-процессуальной науки в сегодняшних условиях новой и перспективной. Нельзя не поддержать диссертанта и в том, что корень проблемы заключается в выделении уголовного дела в отношении сотрудничающего со следствием лица, дроблении единого производства на «основное» и «выделенное» (в порядке гл. 40¹ УПК РФ), в результате чего полноценное правосудие оказывается невозможным (с. 281). При этом, по справедливому мнению диссертанта, весь позитивный потенциал, заложенный в институте досудебного соглашения о сотрудничестве, может быть сохранен, если придать ему не столько уголовно-процессуальную, сколько уголовно-правовую природу. Рассматривая единое уголовное дело, суд смог бы в обязательном порядке учитывать и сотрудничество того или иного обвиняемого со следствием при назначении меры наказания. При оценке обоснованности данного теоретического положения диссертационного исследования нельзя не отметить, что оно также опирается на глубокое изучение судебной практики, складывающейся при применении гл. 40¹ УПК РФ, и материалов конкретных уголовных дел. Очень ценными являются здесь и результаты анкетирования практических работников, позволяющие, помимо прочего, увидеть зависимость восприятия института досудебного соглашения о сотрудничестве от выполняемых ими процессуальных функций.

Приведенный перечень новых и заслуживающих поддержки теоретических положений, содержащихся в диссертации А. В. Пиюка и имеющих важное уголовно-процессуальное (политико-правовое в целом) значение, не является, разумеется, исчерпывающим. Однако и отмеченного достаточно, чтобы констатировать, что их совокупность можно квалифицировать в качестве научного достижения, соответствующего требованиям, предъявляемым п. 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842.

Автореферат диссертации отражает ее содержание. Результаты диссертации надлежащим образом апробированы. Количество публикаций, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК, соответствует предъявляемым нормативным требованиям.

В то же время после изучения диссертации не могу не высказать и несколько **замечаний**, большинство из которых представляет собой соображения сугубо полемического характера:

1) На с. 53 диссертант отмечает, что во Франции «теория разделения процессуальных функций не действует» (см. также с. 57). Понятно, что имеет в виду диссертант, однако мысль сформулирована не совсем корректно. Во Франции, конечно, действует теория разделения процессуальных функций. Более того, она является одним из краеугольных камней построения уголовного процесса. Другое дело, что сами функции в такой ситуации разграничиваются совершенно по иному критерию (уголовное преследование, предварительное следствие и судебное рассмотрение дела), нежели в России. В этом смысле правильнее было бы сказать, что во Франции не действует теория разделения процессуальных функций *в ее российском понимании*, а также обратить внимание на теоретическую неоднозначность самого понятия «разделение процессуальных функций», так как есть немало критериев их разграничения, применяемых в разных правовых порядках. К слову, в российской научной литературе данная проблема уже неоднократно поднималась (см., например: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 98).

2) В некоторых местах встречаются определенные неточности при анализе зарубежного уголовного процесса.

Скажем, потерпевший не является в англо-американском уголовном процессе «обвинителем либо "сообвинителем"» (с. 136 – 137): он является там исключительно свидетелем (чаще всего со стороны обвинения). Концептуально это связано со стремлением к чистой состязательности, в силу которого не допускается «двойное бремя» на защиту (государственный обвинитель и потерпевший). Другое дело, что в определенных случаях потерпевший сам может провести расследование и предъявить обвинение в суд по любому делу, выступая так называемым «народным обвинителем», но сегодня эта возможность является по понятным причинам сугубо теоретической и концептуально уходит в глубокое Средневековье.

На с. 175 и в др. местах автор несколько раз отмечает, что при применении французского особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с обвинением в суд с ходатайством обращается именно обвиняемый (с согласия

прокурора). Здесь диссертант несколько «русифицирует» французский уголовный процесс. На самом деле с ходатайством в суд обращается прокурор (с согласия обвиняемого и после проведения соответствующих переговоров с ним, консультаций с защитником и т. п.), что прямо вытекает из ст. 495-9 УПК Франции.

На с. 147 и с. 278 диссертант пишет, что в уголовном процессе США нет аналогов российского института досудебного соглашения о сотрудничестве, когда «позитивные действия обвинителя обуславливались бы дачей обвиняемым, с которым заключается сделка, каких-либо показаний, изобличающих других лиц» (с.147). Это не совсем так. Диссертант не учитывает американский институт Plea and Cooperation Agreement, который следует отличать от более традиционного института «сделок с правосудием» (Plea Bargaining). В этом смысле институт досудебного соглашения о сотрудничестве, введенный Законом от 29 июня 2009 г., является прямым заимствованием существующего в США института Plea and Cooperation Agreement.

3) Несколько категоричным выглядит утверждение диссертанта о том, что «в УПК РФ отсутствует стадия предания суду» (с. 88). Если рассматривать данный вопрос не терминологически, а сущностно, то какова тогда природа стадии подготовки к судебному заседанию, особенно в форме предварительного слушания? Хотя суд и не может сегодня рассматривать в данной стадии дело по существу, оценивать обоснованность обвинения и т. д., однако он, тем не менее, в некоторых случаях решает принципиальные вопросы, будучи вправе отказать в проведении судебного разбирательства и прекратить уголовное дело, возратить его прокурору и т. п.

4) В целом справедливо отмечая принципиальные отличия между континентальным и англо-американским уголовными процессами, не позволяющие процессуально корректно имплементировать «сделки с правосудием» в первом из них, диссертант не останавливается на двух фундаментальных отличиях: 1) в США в первой инстанции действует исключительно суд присяжных, то есть система не знает разрешения уголовного дела по существу профессиональным судом, чем и объясняется гипотетический коллапс американской судебной системы при отказе от «сделок», который упоминает автор (с. 137), так как невозможно разрешать мало-мальски значительное число уголовных дел судом присяжных в силу его дороговизны, громоздкости, медленности процесса и т. п.; 2) роль прокурора в его готовности к компромиссу с обвиняемым и возможности отхода от строгой уголовно-правовой оценки деяния определяется не столько юридическими, сколько *политическими* факторами – избранием прокуроров в большинстве случаев населением на партийной

основе, то есть влияние компромисса на карьеру прокурора, о чем пишет автор (с. 139), проявляется именно в электоральной плоскости (его не переизберут и т. п.), о чем автор не пишет; понятно, что в континентальном уголовном процессе такого рода политические «сдержки и противовесы» невозможны в силу отличий в политическом строительстве, партийной системе и т. п., от чего и невозможна чрезмерная дискреционная процессуальная власть прокурора, которая непременно превратится в произвол. Представляется, что на эти отличия следовало бы обратить внимание, что только придало бы в целом правильному ходу анализа диссертанта дополнительную глубину.

5) Ратуя за исключение согласия потерпевшего из числа условий применения гл. 40 УПК РФ, что само по себе спорно с учетом необходимости не расширения, а сужения применения данной процессуальной формы, которую отстаивает в том числе сам диссертант (на наш взгляд, справедливо отстаивает), он приводит в качестве аргумента право потерпевшего обратиться за возмещением вреда в порядке гражданского судопроизводства, отмечая при этом преюдициальность приговора, постановленного в особом порядке, для суда, рассматривающего гражданский спор (с. 228). Не совсем понятно, почему автор не учитывает ФЗ от 29 июня 2015 г. № 191-ФЗ, которым в ст. 90 УПК РФ были внесены изменения и в силу которых за приговорами, постановленными в том числе в порядке гл. 40 УПК РФ, более не признается преюдициальная сила, о чем сам автор правильно упоминает на с. 210 диссертации? Это техническая неточность (на с. 228 не учтен указанный закон) или принципиальная позиция автора, которая тогда требует пояснения?

б) В целом, остается непонятной позиция диссертанта по поводу статуса лица, дело о котором выделено в порядке гл. 40¹ УПК РФ и который затем допрашивается в суде при рассмотрении основного дела. С одной стороны, диссертант критикует мнение, что речь должна идти о статусе свидетеля (с. 280). С другой стороны, данное лицо не может считаться и обвиняемым, так как нельзя быть обвиняемым по одному делу, а показания в качестве обвиняемого давать по другому делу, так как статус обвиняемого неделим и может реализовываться лишь в полном объеме (во всей совокупности прав и обязанностей). При этом с выводом автора о невозможности разрешения данной проблемы в рамках действующего законодательства можно согласиться лишь отчасти. Оптимальным, конечно, выглядит отказ от выделения дела и от гл. 40¹ УПК РФ в целом, но это соображения *de lege ferenda*. Исходя из действующего законодательства, проблему на правоприменительном уровне все равно

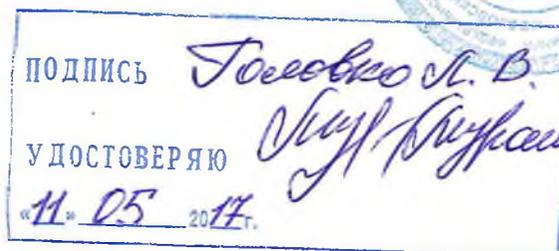
надо решать. Кроме того, институт выделения уголовных дел в отношении отдельных обвиняемых существует не только в связи с применением гл. 40¹ УПК РФ. В этом смысле следовало бы обратить внимание на традиционную российскую судебную практику (см. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2002 год, Бюллетень Верховного Суда РФ, 2003, № 8 и др.), которая уходит корнями еще в советский уголовный процесс и предлагает допрашивать лицо в таких случаях в качестве свидетеля, но без предупреждения об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и с учетом конституционного принципа привилегии против самообвинения.

Однако сделанные замечания имеют полемический, иногда частный, характер и не влияют на общий вывод, который следует сделать после изучения рецензируемой диссертации. Диссертационное исследование А. В. Пиюка **соответствует** критериям, установленным действующим Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 2 августа 2016 г.), а его автор **заслуживает** присуждения ему ученой степени доктора юридических наук.

Заведующий кафедрой уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора
юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук,
профессор

Леонид Витальевич Головки

(119 991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы,
д. 1, стр. 13, 4-й учебный корпус
тел.: 495 938 21 82;
эл. почта: office@law.msu.ru)